

КЪ ИСТОРИИ ВОЙНЫ 1855 ГОДА ВЪ ЗАКАВКАЗЬИ.

Дневникъ генераль-лейтенанта И. Д. Попко *).

1855 годъ.

Январь.

7. Прибывшій изъ Абаранъ-поля подполковникъ Болдыревъ рассказываетъ, что тамъ мгла и мятели, какъ въ Сибири. Жители и сами не вылазятъ, и сожительствующихъ или четвероногихъ не выводятъ изъ норъ на свѣтъ Божій. Для личнаго употребленія и для питья скотины они проводятъ въ свои подземелья воду изъ находящихся на поверхности земли источниковъ. Добро: и ясли, и водопой вмѣстѣ! На ночь они закутываютъ единственное отверстие, которымъ сообщается воздухъ въ ихъ катакомбы, и тогда нѣтъ человѣческой возможности дышать сжатымъ, сгустившимся отъ разныхъ острыхъ испареній, подземнымъ воздухомъ. Армянинъ для того раздѣляетъ свою нору съ четвероногими, чтобъ въ зимніе холода пользоваться его жизненной теплотой. Болдыревъ сдѣлалъ простые сани и этимъ такъ удивилъ жителей, какъ будто изобрѣлъ Архимедовъ винтъ. Жалкіе люди! Каждый годъ четыре мѣсяца бываютъ погружены въ снѣгъ, а употребленія саней не знаютъ.

8. Морозы съ инеемъ, вродѣ Иркутскихъ. Князь Ясса-Андрониковъ давалъ Грузино-россійскій обѣдъ для нужныхъ ему лицъ. Тамъ можно было видѣть всѣхъ случайныхъ людей, могущихъ производить и дождь, и ведро.

11. Поговариваютъ о чумѣ. Въ Елисаветполѣ одинъ житель рылъ у себя во дворѣ колодезь и попалъ на гробъ, вмѣщавшій въ себѣ множество полуистлѣвшихъ труповъ. Изъ гроба вышелъ смрадъ,

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 года выпуски 6 и 12.

о которомъ люди, находящіеся на поверхности земли, и понятие себѣ составить не могутъ. Нѣсколько человѣкъ, вдохнувшіе въ себя зловоніе могилы, заразились и умерли. Съ Елисаветполемъ прекращено всякое сообщеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что пожаръ заразы будетъ потушенъ въ самомъ его началѣ.

15. Тихое и ясное утро. Сопровождаемые или, сказать точнѣе, предшествуемые чапарами, мы сдѣлали переходъ изъ Караклиса до Гамзачемана по ровной, хотя и поднимающейся все въ гору дорогѣ. Здѣсь уже встрѣчаются деревни Молоканъ. Русскія избы, Русскіе люди. Грустно видѣть этихъ изгнанниковъ изъ отечества такъ вѣрныхъ ему во всемъ кромѣ религіозныхъ убѣжденій. Это не духоборы, которые, измѣнивъ Русскому православію, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили и Русской народности, онѣмечились. Молоканы не утратили ни одной іоты ни изъ своей Русской наружности, ни изъ своего Русскаго быта. Спасибо еще правительству, что оно отвело для ихъ поселенія такую землю, гдѣ много лѣсу, много снѣгу и мятелей и много дорогъ для извозу.

16. Салоглы, Татарское селеніе, растянувшееся по правому берегу Куры верстъ на 6. Отъ него во все стороны разстилается долина окруженная горами. Зимой, когда на горахъ лежитъ снѣгъ и вздымаются мятели, въ долинѣ тепло и сухо. Въ лѣтніе мѣсяцы воздухъ въ ней бываетъ сильно согрѣтъ и сжатъ. Жители выходятъ на кочевки, въ горы. Они здоровы и красивы. Совсѣмъ не то, что Армяне.

Подышавъ въ Салоглахъ весеннимъ воздухомъ дня три, мы отправились въ Тифлисъ, гдѣ прогостили дней пять. Являлись къ начальству, дѣлали визиты и покупки, ѣздили по тѣснымъ и кривымъ улицамъ на дрожкахъ, были въ Итальянской оперѣ, про которую слѣдуетъ сказать: слушаешь три часа, а въ три дня ушей не приведешь въ порядокъ. О Тифлисѣ же вообще сказать надо, что онъ имѣетъ весьма крѣпкую позицію въ военномъ отношеніи, что онъ имѣетъ бани, изъ которыхъ выходишь грязнѣе, нежели входишь, что онъ имѣетъ смѣшанную архитектуру, смѣшанную народность, смѣшанные нравы.

Въ исходѣ Января мы возвратились въ Александрополь, переиспытавъ на нашемъ пути различные климаты и различные времена года.

Февраль.

1. Масляница. Журна визжитъ. Солнце свѣтитъ и грѣетъ. Съ крыши сметають снѣгъ. По улицамъ грязь.

5. Суббота масляницы. Въ этотъ день въ здѣшнихъ школахъ происходитъ что-то странное, напоминающее Сатурвалии древняго Рима.

Собравшись въ школу, ученики надѣваютъ на ноги своему учителю феллаху и катаютъ его по пятамъ „чубуками“. Каждый ученикъ обязанъ по крайней мѣрѣ ударить одинъ разъ по пятамъ ходящаго по стезямъ мудрости.

9. Раболѣпный служитель алтаря совершалъ литургію въ походной церкви. Въ алтарѣ стоялъ дежурный штабъ-офицеръ. Въ одну изъ самыхъ торжественныхъ минутъ богослуженія онъ чихнулъ. Священникъ опустил свои воздѣтыя горѣ длани, прервалъ чтеніе молитвы и, обратясь къ чихнувшему, поклонился и пожелалъ ему добраго здоровья.

10. Небо сѣро, земля грязна, люди вялы и дряхлы, дома печальнѣе развалинъ, то же, что вчера.

11. Sta

12. tus

13. idem.

14. Прибытію новаго главнокомандующаго *) въ Тифлисъ предшествуютъ рассказы болѣе или менѣе вымышленные о его строгости. При смотрѣ какого-то линейнаго баталіона онъ замѣтилъ, что одинъ солдатъ во фронтѣ слишкомъ вольно ворочается. „Отчего ты ворочаешься?“ спрашиваетъ главнокомандующій. „Озябъ, в. в.“ отвѣчаетъ солдатъ. „Прикажите его погрѣть“, говоритъ главнокомандующій, обратясь къ баталіонному командиру. Сей послѣдній велѣлъ вывести солдата за фронтъ и дать ему 25 лозановъ. По окончаніи смотра главнокомандующій спросилъ баталіоннаго командира: „Согрѣли-ль того солдата, что озябъ?“ — „Согрѣлъ“ отвѣчалъ баталіонный командиръ. „А сколько ему дали?“ — „25“ — „За вами 225“.

Вообще, говорятъ, генералъ Муравьевъ чрезвычайно внимателенъ къ продовольствію солдата и къ содержанію его въ госпиталѣ за то и не плошай онъ на службѣ! Грузины говорятъ, что всякій главнокомандующій, съ какими бы строгими правилами ни прибылъ въ Тифлисъ, напившись воды изъ Куры, перемѣняется.

22. Вышли награды за Курюк-дара. У однихъ лица осунулись и омрачились, у другихъ подобрались и просіяли. Настоящій розыгрышъ лотереи.

23. Курды, перекочевавшіе въ наши предѣлы изъ Турціи прошлой осенью, осыпанные нашими ласками и червонцами, ушли обратно во свояси. Курдъ по турецки значитъ волкъ. А волка, сколько ни корми, онъ все въ лѣсъ смотреть.

*) Н. Н. Муравьева. II. Б.

27. Въ этотъ день мы сдѣлали переѣздъ изъ Александрополя до Караклиса. На однообразіе дороги грѣхъ было бы пожаловаться. Ъхали мы и по снѣгу, и по грязи, и по сухой пыльной дорогѣ попеременно.

28. Вотъ онѣ опять, Русскія избы. Въ каждомъ дворѣ у воротъ висятъ на шестахъ сдѣланные изъ сѣна махорки, конскіе хвосты въ миниатюрѣ. Эти вывѣски показываютъ, сколько въ какомъ дворѣ находится на постоѣ драгунскихъ лошадей. Вотъ оно Деликсанское ущелье. Спускаясь въ него, вы видите на высотѣ по лѣвую сторону разрушающуюся деревянную бесѣдку. Сіе брненное зданіе осыпаетъ источникъ кислой воды, про которую ни больные, ни здоровые люди ничего не знаютъ. Ущелье Военно-грузинской дороги, конечно, величественнѣе, грознѣе, но за то ущелье Деликсанское живописнѣе, разнообразнѣе. Здѣсь' виды мѣняются на каждомъ шагу; это картинная галлерія Закавказской природы. Для геологовъ—это разогнутая книга, написанная огнемъ и водой.

М а р т ъ.

1. Мы ѣхали по равнинѣ, окаймленной горами. Вправо тянулась цѣпь горъ, принадлежащихъ къ безчисленнымъ вѣтвямъ Безобдала; влѣво видѣлся обрывистый берегъ Куры, за нимъ синѣетъ полоса высотъ Кахетіи, а выше этой полосы гребень Кавказа. Воздухъ жаркій, дорога пыльная, поля обожжены, обнажены отъ чернозема, глинисты, худы, блѣдны, какъ лица мѣстныхъ жителей. Здѣсь на всякую пашню пускается вода изъ рѣчекъ посредствомъ многочисленныхъ канавокъ. Это единственное ея удобреніе. Мы переѣзжали чрезъ русла большихъ, какъ видно, рѣкъ, но рѣкъ мы не видѣли: ихъ нѣтъ дома, разбрелись по полямъ. Цѣлое лѣто будутъ онѣ гулять по полямъ и лугамъ, а на зиму возвратятся домой и поднимутъ кутежъ, да такой, что держись только мостовая управа благочинія.

Въ два часа мы вѣхали въ Елисаветполь. Сперва мы ничего не видѣли кромѣ высокихъ глиняныхъ заборовъ, высочайшихъ чинаровъ и необозримыхъ садовъ. Потомъ начали показываться тамъ и сямъ двухэтажные домики пріятной Персидской архитектуры. Наконецъ, узрѣли мы крѣпость, мечеть съ двумя высокими и круглыми минаретами, площадь, обсаженную кругомъ вѣковыми чинарами, лавки, людей въ остроконечныхъ Персидскихъ шапкахъ съ крашенными бородами и ногтями. Мы остановились въ домикѣ снаружи невзрачномъ, а внутри распisanномъ, какъ чертогъ въ Тысячѣ одной ночи. Здѣсь крыши уже не плоски, а горбаты. Преобладающій строительный матеріалъ—глина. Женщины закутаны въ чадры.

2. Съ утра потянулись изъ города фургоны, плотно нагруженные Татарами разныхъ размѣровъ, которые шумѣли и стрѣляли изъ пистолетовъ прямо въ лицо тому, кто на улицѣ останавливался посмотрѣть на нихъ. За фургонами тянулись всадники, кто на конѣ, кто на ешахъ. Это Магометанское населеніе города отправлялось въ колонію Еленендорфъ праздновать тамъ свой ловругъ, новый годъ. Колонія Еленендорфъ прекрасно устроена. Колонисты дѣлаютъ хорошіе фургоны и дурное вино. Послѣднее, впрочемъ, безъ затрудненія потребляется Елисаветпольскими Шитами, которые во время своихъ праздниковъ затѣмъ и ѣздятъ къ Нѣмцамъ, чтобъ у нихъ свободно, внѣ надзора женъ и эфендіевъ, упиться запрещенной влагой. Сами же колонисты отличаются трезвостью и строгостью нравовъ. Пѣніе мірскихъ пѣсенъ, музыка и пляска имъ воспрещены. Дѣвушка, сдѣлавшая невзначай антраша, и парень, свиснувшій самымъ невиннымъ образомъ, штрафуются денежной пеней въ пользу кирки.

5. Здѣшняя мечеть построена въ началѣ семнадцатаго столѣтія шахомъ Аббасомъ. Исполнскіе чинары, осѣняющіе домъ молитвы, гораздо старше его. Зданіе имѣетъ видъ опрокинутаго горшка или Татарской островерхой фески. Вокругъ мечети устроены кельи, какъ въ нашихъ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ келій дѣти обучаются грамотѣ. Во дворъ мечети проведена вода, которою молеельщики совершаютъ омовеніе предъ тѣмъ, какъ хотятъ войти въ храмъ. Паперть устлана туфлями. Сторожъ, вооруженный палкой съ крючкомъ, приводитъ ихъ въ порядокъ. Тутъ есть туфли богатые и бѣдныя, туфли мірянъ и духовныхъ лицъ. Послѣднія непремѣнно зеленаго цвѣта, а пятки ихъ раззолоченныя. При выходѣ изъ мечети каждый молеельщикъ, вложивъ ноги въ свои туфли, умываетъ себѣ лицо водой, плеснутой ему на руку изъ кувшина, находящагося въ рукѣ сторожа. За это къ ногамъ сторожа падаетъ мѣдная монета. Если эта монета содержитъ въ себѣ двѣ копейки, то рука, бросившая ее, опускается долу и безсовѣстно поднимаетъ оттуда одну копейку сдачи.

Всю вторую половину мѣсяца мы провели въ странствованіяхъ по мѣстамъ квартирнаго расположенія 8 и 9 драгунскихъ полковъ. Зябли мы подъ снѣгомъ на высотахъ Гокчинскаго озера и утирали потъ съ лица подъ знойнымъ солнцемъ на углубленной равнинѣ Елисаветпольскаго уѣзда. Гокчинское озеро, это удивительный (какъ сказалъ бы Русскій путешественникъ осьмнадцатаго столѣтія) феноменъ природы. Оно лежитъ на значительной высотѣ, на темени горъ. „На горахъ станутъ воды“. Его положеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ Агданшовскимъ лиманомъ, что на Таманскомъ полуостровѣ; но оно

гораздо обширнѣе: оно поглощаетъ нѣсколько сотъ рѣчекъ и ручьевъ, а испускаетъ изъ себя одну только рѣчку Зангу, текущую къ Эривани. Оно изобилуетъ рыбой, преимущественно и, кажется, исключительно, форелью. У гористаго берега, между Армянскимъ ауломъ Чубухлами и Молоканской деревней Еленовкой, выдается изъ пучинъ озера обнаженная скала. На ней стоитъ древній Армянскій монастырь. Пролить, шириною въ версту, отдѣляетъ этотъ островокъ отъ материка. Почтовая дорога въ Эривань идетъ по скату прибрежныхъ высотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно изъ тарантаса выбить трубку прямо въ озеро.

Поля по дорогѣ къ Елисаветполю зеленѣютъ хлѣбомъ, выросшимъ уже въ полчеловѣческаго роста и выбросившимъ колосья; а самый Елисаветполь, городъ построенный развернутымъ фронтомъ, утопаетъ въ зелени. Мы распивали чай въ садахъ, подъ тѣнью столѣтнихъ чинаровъ, при крикахъ залихватскихъ драгунскихъ пѣсенниковъ. За нѣсколько дней до нашего прїѣзда были въ Елисаветполѣ княжны Орбелианова и Чавчавадзева, возвращавшіяся изъ плѣна отъ Шамиля. Онѣ попались въ его лапы 1854 года, во время дерзкаго и кровопролитнаго вторженія его въ Кахетію. Бѣдныя женщины, избалованныя свѣтскимъ воспитаніемъ, изнѣженныя роскошью, должны были сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ труднаго горнаго путешествія, то толкаясь на костлявомъ крупѣ Лезгинской клячи, то карабаясь на четверенькахъ по крутымъ скалистымъ тропинкамъ. Потомъ онѣ должны были провести девять мѣсяцевъ заточенія въ одной изъ тѣсныхъ и мрачныхъ землянокъ Иденей, столицы Шамиля, питаясь ячменнымъ хлѣбомъ и остатками мяса на кости, побывавшей на зубахъ имама. Одна изъ нихъ въ день плѣна была посажена на крупъ коня, позади широкоплечаго Лезгина. Одной рукой держалась она за поясъ своего *кавалера*, а въ другой держала своего грудного ребенка. Вдругъ прошумѣло Русское ядро. Она вздрогнула и уронила ребенка. Несчастливая мать молитъ разбойника остановиться и поднять дитя. Напрасно: разбойникъ счелъ безполезнымъ останавливаться изъ-за такой бѣздѣлицы. Послѣ ребенокъ, уже мертвый, былъ поднятъ своимъ отцомъ. На ночлегъ, въ горахъ, дрожащая отъ холода пльнница проситъ прикрыть чѣмъ-нибудь ея оледенѣлые члены; на неѣ набросили одѣяло. На другой день утромъ въ покрывкѣ, обогрѣвшей еѣ, пльнница узнала одѣяльце, въ которое былъ завернутъ погибшій ребенокъ. За освобожденіе пльнницъ Шамилю возвращенъ его сынъ, офицеръ нашей службы, воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ, и заплачено 40000 руб. сер. изъ государственной казны.

Въ погромѣ Кахетіи, независимо отъ войскъ и военнопачальниковъ, винятъ нуцвала (старосту) богатѣйшаго и наиболѣ пострадавшаго селенія, Циондалъ. По существующему въ Грузіи обычаю изъ жатвеннаго времени нуцвалъ имѣеть день, въ который работаетъ на него все подвѣдомственное ему населеніе. Случилось, что кровавый день Шамиля былъ вмѣстѣ и корыстный день нуцвала Циондалскаго. Напрасно съ ранняго утра скакали отъ передовыхъ постовъ гонцы съ извѣстіемъ, что непріятель спускается съ горъ къ Алазани, нуцвалъ не хотѣлъ потерять свой день и выгналъ народъ въ поле. Тогда толпы Шамиля нахлынули на беззащитное селеніе и на поля, гдѣ жители, вооруженные одними серпами и разсѣянные въ беспорядкѣ, разумѣется, не могли оказать никакого сопротивленія.

При насъ происходилъ въ Елисаветполѣ нарядъ милиціонеровъ въ пѣшій Грузинскій полкъ. Это что-то въ родѣ казачьихъ полковъ прежнихъ временъ, временъ не то чтобъ Очаковскихъ и покоренія Крыма, а неурядничья и произвола и несправедливостей, которыя были одному Богу извѣстны. Впрочемъ Грузинскій пѣшій полкъ имѣеть гренадерскій бой, хотя барабановъ и не имѣеть. Это отличіе пожаловано ему вотъ по какому случаю.

Въ 1837 году, во время путешествія покойнаго Государя по Закавказью, командовалъ рѣченнымъ полкомъ полковникъ князь Ясса-Андрониковъ, человекъ продувной или, какъ у военныхъ людей говорится, *ловкій человекъ*. Чтобъ показать августѣйшему путешественнику образчикъ пѣшаго Грузинскаго полка, назначено было нарядить отъ того полка на Кодынскую почтовую станцію почетный караулъ. Въ полку были люди бѣдные и невзрачные, а въ окрестныхъ деревняхъ не было недостатка въ людяхъ рослыхъ, жирныхъ и богатыхъ. Вотъ этихъ-то людей заблагоразсудилъ ловкій человекъ, князь Ясса, убѣдить облечься въ праздничныя чохи, обшитыя галунами, и въ вооруженіе, блистающее богатой оправой, да и стать у Кодинской станціи подъ знаменемъ Грузинскаго пѣшаго полка. За этотъ легкій трудъ пообѣщаны суррогатамъ большія царскія милости. Стали. Зурна визжить, бубень ей поддакиваетъ. Государь пріѣзжаетъ и, восхищенный богатырскимъ видомъ національнаго почетнаго караула, жалуеть пѣшему Грузинскому полку гренадерскій бой. „Что такое намъ пожаловали?“ спрашиваютъ простодушные Грузины по отъѣздѣ Государя. — „Барабанный гренадерскій бой“, отвѣчаютъ имъ. „Какъ, барабанный бой? Такъ Ясса заманилъ насъ сюда, чтобъ подвести подъ барабанъ? Мама-дзагла! мы же съ нимъ раздѣлаемся!“.. И разъяренные мужики ищутъ отпра-

вить ловкаго человѣка въ преисподнюю кладовую отжившихъ людей; но ловкій человѣкъ смекнулъ дѣломъ и скрылся *).

М а й.

Первый день мѣсяца Флоры былъ пасмурный и холодный, но за нимъ послѣдовали дни тихіе и теплые.

24. Утромъ войска второй колонны стянулись къ Арпачайской переправѣ, построились четырёхугольникомъ, сняли шапки на молитву. По срединѣ этого одушевленнаго редута совершенно напутственное молебствіе. Солнце жгло въ открытыя нами головы. Солдаты тѣснились около наоя и сыпали на него мѣдныя деньги. По окончаніи молебствія главнокомандующій обратился къ офицерамъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ иѣхотныхъ офицеровъ дѣлать походы на собственныхъ ногахъ. Затѣмъ войска перешли чрезъ Арпачай, на Турецкую сторону и потянулись по Гихнинской дорогѣ. На этой дорогѣ Гудовичъ и Паскевичъ нашли фельдмаршалскій жезлъ, а князь Бебутовъ Андреевскую ленту. Часа за два до вечера мы пришли въ сел. Пирвалей и у этого селенія, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, расположились лагеремъ.

25. Юзбаша села Пирвалей явился къ намъ съ поклонами и съ пѣтухомъ въ рукахъ. Пѣтуха повергъ онъ къ нашимъ стопамъ для снисканія нашего благоволенія. Не принялъ ли онъ насъ за эскулаповъ? Вѣстникъ измѣны и отреченія оказывается беззаботнымъ весельчакомъ. Привязанный къ нашему штабу, *attaché à notre état*, онъ поетъ такъ же громко и свободно, какъ пѣваль, бывало, въ подвѣдомственномъ ему курятникѣ.

26. Три рубля, пожертвованные каждому солдату за Курюкъ-дарскую побѣду и только теперь дошедшіе до солдатскихъ рукъ, наполняютъ палатки пѣхоты шумомъ веселья. Черезъ Карсъ-чай устроены изъ арбъ два моста.

27. По переправѣ на правую сторону Карсъ-чая, мы перевалили черезъ Караялъ и разбили палатки на знакомомъ намъ полѣ. Дождь и небольшой градъ запечатлѣли появленіе наше на этомъ полѣ битвы и разрушенія.

31. Вѣтеръ шумитъ по полю, облака разгуливаютъ по небу, Карсъ-чай плещется въ своемъ каменномъ корытѣ, Русскій лагерь стоитъ надъ Карсъ-чаемъ, Русскій полководецъ думу думаетъ. Шах-

*) Здѣсь большой перерывъ въ рукописи. Авторъ не записываетъ ничего, оставивъ помятку „*Nil novi*“ (т. е. ничего новаго). *С. Фарфоровскій.*

матная доска раскинута, пѣшки разставлены. Нашъ главнокомандующій двинулъ пѣшку и ждетъ, какой ходъ сдѣлаетъ муширъ; а муширъ тяжель на подъѣмъ, и соображеніе у него неповоротливое. Не что Джонъ-буль, злодѣй, ему дастъ толчка и подскажетъ, какъ ступить.

Іюль 3. До настоящаго времени находился въ нашихъ рукахъ санджакъ Шурагельскій, пограничный съ Александропольскимъ уѣздомъ и служившій театромъ войны до нынѣшней весны. Онъ населенъ Армянами и Каракалпахами. Съ этого населенія мы взяли въ прошломъ году багру (хлѣбную подать). Изъ людей, способныхъ носить оружіе, мы сформировали милицію. Съ наступленіемъ нынѣшней кампаніи, едва нашъ штыкъ свергнулъ на холмахъ Анатолиі, какъ уже спѣшатъ отпасть отъ Оттоманскаго владычества и передаться намъ санджаки: Ардаганскій, Заришадскій и Галдырскій. Начальники сихъ областей явились къ главнокомандующему съ предложеніемъ быть покорными нашему правительству. Главнокомандующій чертитъ новыя границы санджакамъ, учреждаетъ въ нихъ свое правленіе, оцѣпляетъ ихъ своими линіями. Въ одномъ мѣстѣ будетъ заткнута пика Донца, въ другомъ повѣшена сабля Ширванца, въ третьемъ положена на подсошкѣ винтовка.

14. Большею частью нашихъ силъ произведено наступленіе къ Карсу. Мы шли отдѣльной колонной справа, прямо противъ Карадага. Оврагъ Куру-дара, по предписанію начальства, служить намъ Ариадниной нитью. Подойдя версты на три (а фланги и ближе того) къ линіи передовыхъ Карскихъ укрѣпленій, войска остановились въ боевомъ порядкѣ. Наша колонна стояла близехонько къ редуту, изъ котораго былъ открытъ огонь по линейнымъ казакамъ 4-го числа. Въ этомъ редутѣ особенно и по всей линіи вообще замѣтно было большое движеніе. Съ нагорныхъ укрѣпленій войска спускались внизъ. Вдоль линіи окоповъ по внѣшнюю сторону проѣхала тихимъ шагомъ пестрая толпа съ большимъ краснымъ знаменемъ. Не была ли это духовная, молитвенная процессія, призывавшая свыше, отъ жилища Пророка, крѣпость валу и груди правовѣрныхъ. Судя по войскамъ, стоявшимъ на шанцахъ, число гарнизона не соотвѣтствуетъ множеству и обширности укрѣпленій, нагороженныхъ вокругъ Карса, т. е. вокругъ города и старой цитадели, уже не носящей оружія. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, всѣхъ войскъ состоитъ на продовольствіи въ Карскихъ редутахъ до 24000 челов. Въ счету Лазы, призванные на защиту послѣдняго оплота Анатолиі; ихъ, говорятъ, будетъ челоуѣкъ съ тысячу. Въ этомъ же счету и кавалерія. Послѣдней должно быть немного.

16. Нашъ лагерь передвинулся отъ Мерарадишка къ Ханы-кёву. Все впередъ. Aurelien disait que les guerriers doivent faire couler le sang des ennemis et non des pleurs des citoyens*).

17. Половина нашего отряда со всѣмъ лагеремъ и вагенбургомъ осталась на мѣстѣ, въ виду Карса, а другая, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, двинулась налегкахъ правой стороной Карсъ-чая по большой Эрзерумской дорогѣ. Наша кавалерійская колонна шла сзади. Миновавъ скалу Гелинъ-кая (Невѣсткинъ Утесъ) по правую сторону и перейдя пересѣкающій дорогу ручей Хоршанъ-Агалъ-Су, мы повернули лѣвымъ плечомъ, перебрали на лѣвый берегъ Карсъ-чая и здѣсь имѣли привалъ. Пѣхота съ обозомъ переправилась выше насъ у сел. Боюкъ-Текше. Близъ этого селенія виденъ ровъ. По розказнямъ стариковъ онъ изрытъ Персидскимъ полководцемъ Таймазь-ханомъ для отвода Карсъ-чая въ сторону. Во дни ѳны, Таймазь-ханъ осаждалъ крѣпость Карсъ. Въ одну бессонную ночь забилась въ остроконечную шапку хана остроумная мысль совратить Карсъ-чай съ пути истиннаго и тѣмъ лишить осажденныхъ воды. Задумано и сдѣлано. Въ одно туманное утро, осажденные увидѣли, что Карсъ-чай измѣнилъ, бѣжалъ отъ нихъ безъ всякой уважительной причины. Протираютъ бѣдные люди глаза, смотрять-посмотрять, ждуть-подождуть, не одумается ли Карсъ-чай, не придетъ ли, не принесетъ ли водицы. Итъ, не идетъ Карсъ-чай, не несетъ обычной ноши. Жажда томить осажденныхъ, а Таймазь-ханъ самодовольно поглаживаетъ свою красную бороду. Вотъ, вотъ, думаетъ, выползутъ изъ своей трущобы и распластятся у моихъ туфель. Вай, вай, не погуби, не дай засохнуть во цвѣтѣ лѣтъ; въ твоей рукѣ, стало быть, источникъ жизни. Но не тутъ-то было. Осажденные взялись сперва за умъ, а потомъ за лопату и добыли себѣ воду изъ колодезей.

20. Наша передовая колонна поднялась съ полуночи, двинулась по тѣсному ущелью впередъ, къ сел. Янги-кёвъ (Новоселица) и сдѣлала тамъ привалъ. Въ этомъ селеніи найденъ значительный складъ ячменя, пшеницы и сухарей. Позавтракавъ Турецкими сухарями и оставивъ часть войскъ при складѣ, для охраненія его, мы пошли опять по ущелью и въ полдень заняли сел. Кара-урганъ. Селеніе было пусто; только человекъ девять Грековъ работали въ пекарнѣ. Главный пекарь указалъ намъ амбаръ съ сухарями, съ мукой, съ пшеницей. Всего много. Нашимъ Курдамъ позволено набрать муки. Они броси-

---

*) Аврелианъ говорилъ, что войны должны проливать кровь непріятелей, а не слезы гражданъ.

лись въ амбаръ, толпой, кто съ мѣшкомъ, кто съ плащемъ. Между тѣмъ Мусульмане наши вышарили въ пустыхъ сакляхъ улей съ пчелами и бросились выдирать изъ нихъ медъ съ жадностью истинно медвѣжьей. Вечеромъ изъ Турецкой муки по всему лагерю пеклись леваша на камешкахъ и варились галушки въ малыхъ котелкахъ. Последнее обстоятельство было не по сердцу нѣкоторымъ сердобольнымъ полковымъ командирамъ. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ графу*), говоритъ ему съ самымъ простодушнымъ негодованіемъ: „Бѣды надѣлала эта Турецкая мука, чтобъ ея совсѣмъ не было! Люди завели стряпню галушекъ и жгутъ, канальи, котелки... Котелки, извольте видѣть, форменные; имъ положено быть при чемоданѣ въ трокѣ. Съ какой же стати на огонь-то ихъ ставить? На то есть артельные солдатскіе котлы“. Изъ непріятельскихъ запасовъ, нами найденныхъ, мы забрали сухарей и сколько могли ячменя. Остальное сожгли, пекарни разрушили, пекарей взяли съ собой. Всѣхъ непріятельскихъ запасовъ уничтожено нами до 20000 четвертей.

24. Изъ Карса непріятель ничего не предпринималъ противъ нашихъ войскъ, остававшихся на позиціи при сел. Ханы-кѣвъ. Муширь вѣрно чувствуетъ себя неловко. Совѣтникъ его сэръ Вилліамъ, какъ видно изъ одного перехваченнаго письма, уже намѣренъ дать тягу изъ Карса, изъ этого дыряваго полога, сквозь который налетаютъ комары.

Страна, нами пройденная, прекрасна. Климатъ свѣжій и здоровый. Земля плодородна, обильно орошена водой, снабжена лѣсомъ и другими строительными матеріалами; нигдѣ не встрѣтишь ни садоваго дерева, ни огорода, ни хорошо разработанной дороги, ни хорошо устроеннаго моста, ни мызы, ни даже дома. Деспотизмъ и невѣжество стоятъ съ бичемъ на чертѣ естественнаго состоянія человѣка и говорятъ: не выходи! Селенія состоятъ изъ тѣхъ же норъ, какія мы видѣли на Арпачаѣ. Мечети мрачны и грязны. Нѣтъ въ нихъ и тѣни того благолѣпія, какое мы привыкли видѣть въ нашихъ даже бѣднѣйшихъ домахъ молитвы. Здѣсь ко всякому собственному названію деревни прибавляется кѣвъ, какъ въ Персіи ченни. То и другое значитъ селитьба; ко всякому названію рѣки прибавляютъ чай, чтд и значитъ рѣка.

27. Обѣдъ у главнокомандующаго. Обѣдало 14 человѣкъ. Въ этомъ числѣ личностей было 10 націй: Нѣмецъ, Черногорецъ, Полякъ, Шведъ, Чухонецъ, Грекъ, Грузинъ, Армянинъ, Куртинъ, остальные Русскіе. Во время обѣда прибыли парламентары изъ Карса: одинъ кавалерій-

*) Ниродъ? П. Б.

скій офицеръ, другой лекаръ. Первый исполинъ, второй пигмей. Эти неравномѣрные люди препроводили въ нашъ лагерь нашихъ раненыхъ духанщиковъ Грузинъ, взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуками назадъ тому съ недѣлю. Гонясь за барышами, отправились эти духанщики на 20 арбахъ самовольно изъ нашего лагеря въ Александрополь. Ни прикрытiя, ни оружія при нихъ не было. Были только при нихъ порожніе бурдюки да туго набитыя кисы. На нихъ наткнулась небольшая шайка баши-бузуковъ и безъ труда овладѣла ими, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были ранены саблями.

Турецкій офицеръ одѣтъ въ синій короткополый двухбортный кафтанъ, съ бархатнымъ воротникомъ и въ сѣрые клѣтчатые панталоны. Съ боку кривая сабля, на головѣ феска. Сапоги на немъ большіе, грубо сшитые, а походка у него тяжелая, увѣсистая. Малорослый лекаръ одѣтъ въ Европейское цивильное платье, а на головѣ феска. На вопросъ: въ какой онъ состоитъ должности, онъ отвѣчалъ съ важностью, которая совсѣмъ не шла къ нему: *je suis chirurgien en chef de l'armée d'Anatolie**).

Юля 1. Изъ Карса каждый день выбѣгаютъ въ нашъ отрядъ баши-бузуки, кавалерійскіе солдаты, штуцерные стрѣлки, обыкновенные пѣхотные солдаты, а также торговые, рабочіе и другихъ сословій люди. Изъ показаній ихъ добыты слѣдующія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Карса. Цѣны на жизненные припасы въ короткое время удвоились. Звонкой монеты въ обращеніи немного. Бумажныя деньги ходятъ съ пониженіемъ 20%, ихъ указной цѣнности. Городская жизнь идетъ своимъ чередомъ, но съ каждой нашей рекогносцировкой подь стѣны Карса въ городѣ происходитъ смятеніе: лавки закрываются, базаръ разбѣгается, Мусульманское населеніе берется за оружіе. Этому населенію розданы ружья, а христіанскому нѣтъ. Для доставленія гарнизону печенаго хлѣба непрерывно работаютъ 12 пекарней. Средняя изъ нихъ дѣлаетъ въ сутки пять печевъ, а въ каждомъ печевѣ заключается 250 таиновъ, суточныхъ раціоновъ. Одиннадцать пекарней снабжаютъ хлѣбомъ солдатъ и баши-бузуковъ, а двѣнадцатая офицеровъ и госпиталя. Рабочихъ при пекарняхъ 40 человекъ, всѣ Греки. Работаютъ они по порядку. Дровъ и соли у нихъ мало. Для полученія первыхъ подрядчикъ покупаетъ на сломъ старые дома, а для пріобрѣтенія послѣдней покупкою изъ частныхъ магазиновъ требуется иногда содѣйствіе полиціи. Содержаніе солдата до войны было лучше, во время войны сдѣлалось скуднѣе. Жалованье получается неисправно. Муширь

*) И главный хирургъ Анатолійской арміи.

показывается не такъ-то часто. Онъ человѣкъ не совсѣмъ новаго покроя, носить бороду и плохо разумѣетъ строевую службу. Съ Англизъ-пашею (Вилліамсомъ) онъ не ладитъ; за то и дѣйствительнаго вѣсу имѣетъ мало. Одинъ изъ пашей, Керимъ-паша, и Вилліамсъ ворочаютъ дѣлами. Гарнизонъ не перестаетъ упрочивать прежнія табіи (укрѣпленія) и возводитъ новыя. Карсъ дышетъ не свободно. Эрзерумская дорога его дыхательное горло. Занявъ эту дорогу, мы сдавили ему глотку.

2. Съ полуночи выступилъ изъ лагеря кавалерійскій отрядъ съ одной конной батареей. Онъ потянулся въ направленіи къ Ардагану, лѣвѣе отъ Карса.

3. Взошедшее солнце освѣтило упомянутый отрядъ недалеко отъ сел. Чахмаха, за которымъ высятся сѣверныя укрѣпленія Карса. Полкъ регулярной Турецкой кавалеріи спустился изъ этихъ укрѣпленій и простоялъ на полу-горѣ, въ полковой колоннѣ, пока Русскій отрядъ перетянулся чрезъ глубокій оврагъ и пошелъ себѣ дальше, огибая Карсъ съ Запада на Востокъ. Мы видѣли тылъ Карса. Мы прошли за кулісами этой арены, на которой скоро польются ручьи человеческой крови. Карсъ-чай течетъ по равнинѣ, у подошвы горы. Вдругъ, какъ испуганный конь, онъ запнулся, бросился въ сторону, къ горѣ, разсѣкъ эту гору поперекъ и помчался далѣе, опять въ прежнемъ направленіи. Вотъ на этомъ то прыжкѣ въ сторону, въ глубинѣ поперечнаго разрѣза горы, сидитъ Карсъ. По одну сторону рѣчки высоты Карадага, по другую Чахмахъ. Первый неприступенъ, послѣдній гораздо снисходительнѣе. Здѣсь Турки помѣстили свои лучшія войска и отсюда ожидаютъ приступа.

Пройдя нѣсколько верстъ внизъ по лѣвому берегу Карсъ-чая, мы открыли у дер. Мелинъ-кѣвъ Турецкихъ фуражировъ и схватили нѣсколко человѣкъ изъ нихъ, въ томъ числѣ одного офицера. Шайка баши-бузукъ, бросивъ везенные ею вьюки травы, успѣла перескочить на другой берегъ Карсъ-чая. Наши Карабачи преслѣдовали её и имѣли съ ней пустую перестрѣлку. Взятіе непріятельскихъ фуражировъ послужило Черкесамъ поводомъ къ грабежу. Примѣръ Черкесовъ увлекъ Курдовъ. Чрезъ нѣсколько часовъ небо задвинулось сѣрыми тучами. Пошелъ холодный дождь. Отрядъ наполнился награбленными кобылами и ешаками. Жеребцы огласили воздухъ ржаніемъ, ешаки подняли свой отвратительный ревъ. Турки, хозяева заграбленныхъ животныхъ, бѣжали пѣшіе за отрядомъ и выли. Ненастнѣйшій изъ вечеровъ наступилъ. Мрачная была картина. Отрядъ почевалъ въ глубокой долиинѣ, на берегахъ рѣчки Джелауза.

4. Проведя цѣлый день въ бесплодныхъ поискахъ по дорогамъ, ведущимъ въ Карсъ изъ Ардагана, отрядъ имѣлъ ночлегъ на рѣчкѣ Инжа-су, у пустого аула.

5. Снявшись съ ночлега, отрядъ вторично направился въ Джелаузскую долину, перешель рѣчку Джелаузъ и потянулся по трудной горной дорогѣ, въ направленіи къ Ардагану. Послѣ значительнаго перехода продолжительный приваль. Не идутъ ли войска на подмогу осажденному Карсу? Не везется ли туда казна, или хлѣбецъ, или зелье огнестрѣльное? Нѣтъ, нигдѣ не видно ни подмоги, ружьями сверкающей, ни арбы съ колесами безшинными, вмѣстѣ съ осью вертящимися, съ хозяевами, трубку молча курящими, ни коня черводарскаго, крашеной гривой потряхивающаго, бубенчиками гремящаго. Только вѣтеръ шумитъ по скалистымъ гребнямъ горъ. Солнышко начало спускаться къ Западу. Отрядъ поднялся, встряхнулся, зѣвнулъ, повернулъ коня назадъ и пошелъ вспять по своимъ слѣдамъ. Вотъ ужъ солнце красное съ неба свалилось, вотъ ужъ молодой мѣсяцъ всплылъ на Западѣ, и около него одна звѣздочка увивается, одна одинешенька, сердечная; вотъ ужъ и темень тьмущая овраги наполнила, на горы взгромоздилась, а отрядъ все идетъ. Онъ Карсъ обходить. Тишину соблюдать приказываютъ, трубки курить не велятъ.

Отрядъ возвратился въ лагерь, гдѣ главнокомандующій его встрѣтилъ и пропустилъ мимо себя. Чтò за пестрая вереница! Драгуны, Линейцы, Донцы, Черкесы, Армяне, Татары, Курды...

13 Июля 1855 года. Лагерь при с. б. Текме.

Добровольно вышедшій изъ Карса, Арабестанскаго корпуса 4-го кавалерійскаго олая, 3-го бемока рядовой Мамедъ-Сане-Юсупъ-оглы рассказываетъ. Я родомъ Грекъ изъ Бейрута. Воспитанъ я былъ въ Греческой вѣрѣ, но одно обстоятельство, угрожавшее мнѣ висѣлицей, заставило меня сдѣлаться Мусульманиномъ. Послѣ сего я былъ принятъ на военную службу, къ чему имѣлъ собственную охоту. Служу я уже шестой годъ и въ Карсъ нахожусь третій годъ.

Нашъ олай расположенъ на Чахманской сторонѣ, въ Али-паша-таби. Онъ состоитъ изъ 4 бемоковъ, а въ каждомъ бемокѣ находится отъ 70 до 95 человекъ. Миралой, командующій нашимъ олаемъ, зовется Кадырь-бекъ. Нашъ олай зимовалъ въ окрестностяхъ Ардагана, откуда пришелъ въ Карсъ въ первыхъ числахъ Мая. Въ теченіи мѣсяца Мая, продовольствіе намъ шло безъ малѣйшаго недостатка. Мы получали хлѣба $\frac{3}{4}$ ока (300 драхмъ), имѣли мясную порцію и пловъ. Съ наступленіемъ же Іюня и далѣе до Іюля, отпускавшееся намъ продовольствіе убавлялось все болѣе и болѣе. Наконецъ, съ первыхъ чиселъ Іюля, войскамъ начали давать только по $\frac{1}{2}$ ока хлѣба и пустую ка-

щицу безъ мяса. Если и случится, что дадутъ мясную порцію, то развѣ одинъ разъ въ десять дней. Такъ какъ на мнѣ лежала обязанность постоянного пріемщика фуража и, отчасти, провіанта для эскадрона, то по этому случаю я имѣлъ знакомство съ людьми, служащими при провіантскихъ магазинахъ, и отъ этихъ людей, въ особенности отъ одного христіанина, Грека, весьма хорошаго моего пріятели, я слышалъ заподлинно, что всѣхъ имѣющихся въ Карсѣ хлѣбныхъ запасовъ можетъ достать отъ 1-го числа Іюля впередъ на 40, а самое большее на 45 дней, и то при самыхъ ограниченныхъ дачахъ, а именно: если отпускать на каждого человѣка въ сутки по 200 драхмъ, или, что то-же, по $\frac{1}{2}$ ока хлѣба. Рису же можетъ достать только на 30 дней, если отпускать въ сутки на одного человѣка по 27 драхмъ (18 золотниковъ). Отпускъ зернового фуража для продовольствія строевыхъ лошадей (какъ значится по веденной мною въ эскадронѣ и при семъ представляемой расходной тетради) производился слѣдующимъ образомъ: мѣсяца Іюня въ сутки на одну лошадь съ 1 числа до 18—3 ока; съ 18 Іюня до 4 Іюля—2 ока. 4-го Іюля выдано по одному оку на лошадь, и затѣмъ отпускъ ячменя изъ магазина прекращень. А какъ нашъ олай забилъ экономію 1000 окъ, то этимъ количествомъ экономическаго ячменя приказано довольствовать лошадей той части олая, которая выходитъ на аванпосты. Въ этотъ нарядъ выходило отъ нашего олая на день пол-взвода, а на ночь одинъ эскадронъ. Означенное довольствіе рассчитано на 15 дней. Остальныя же лошади въ теченіе этого времени никакой дачи ячменя получать не должны. По прошествіи же 15 дней (такъ по крайней мѣрѣ объявлено), опять будетъ производиться дача ячменя всѣмъ лошадямъ въ полку. Распоряженіе это сдѣлано, говорятъ, потому, что въ теченіи означенныхъ 15 дней лошади могутъ еще перебиваться кое-какъ травою, а потомъ, можетъ быть, и травы нельзя будетъ доставать. Вышеупомянутая экономія составила оттого, что полкъ требовалъ фуража на лишннихъ лошадехъ, которыхъ на лицо не было. А сверхъ того было предписано отъ меджелиса, чтобы полкъ оставлялъ въ экономіи отъ каждой суточной (на весь полкъ) дачи, то 25, то 30, то 35 окъ ячменя. Лошади въ нашемъ олаѣ въ настоящее время всѣ вообще худы, а въ Маѣ были онѣ въ весьма хорошемъ тѣлѣ.

Назадъ тому съ недѣлю произведена, какъ говорятъ, по предложенію Англизъ-паши, слѣдующая перемѣна въ вооруженіи нашего олая: въ двухъ бемокахъ у половины людей отняты пики, и намѣсто ихъ даны пѣхотныя ружья, которыя возятся на погонномъ ремнѣ за спиной. Штыковъ при этихъ ружьяхъ нѣтъ. Ружья эти даны вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ увеличить число карабинеровъ, такъ какъ ихъ слишкомъ мало.

